

РУССКОЙ МУЗЫКЕ

ЗАВЕЩАНО В Е К А М

ГЛИНКА... Не много найдется в истории русской культуры, изобилующей мировыми творческими победами, имен столь славных, символов столь всеобъемлющих! Поклонение разуму и печаль сердца человеческого, юношеская страстность и трезвая житейская мудрость, непринужденный артистизм и непрекословное чувство художнического долга, осознание своей высокой исторической миссии и величайшая скромность — как счастливо сочетала в себе эти качества его богатая натура!

Правоммерно сопоставить Глинку с Пушкиным. Как Пушкин, был он открыт всему яркому, сильному, перспективному, что несла в себе современная ему культура разных народов мира. Свою главнейшую задачу он видел в служении своей родине, своему народу. И если Пушкин дал народу русскому бессмертный язык классической литературы, то Глинка — творец отечественной музыкальной классики. Глубоко символично, что именно автор «Руслана» открыл «золотой век» музыкальной Пушкинианы.

Что же роднило этих художников? Только ли данный им природой гений? Конечно, нет. Верность демократическим идеалам «вольности святой», общение с самыми просвещенными умами эпохи, одушевленными идеями декабризма, — вот та историческая атмосфера, в которой складывалось мировоззрение и формировались творческие принципы основоположников нашей художественной классики. Не случайно после восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года Глинку подвергали допросу как человека, связанного с «бунтовщиками»...

Михаил Иванович родился 20 мая (по старому стилю) 1804 года в селе Новоспаском. Ныне это Ельнинский район Смоленской области. Первые его музыкальные впечатления были связаны с народной песней. Он слушал игру крепостного оркестра, сам играл на скрипке, флейте. Среди воспитателей юноши был Кюхельбекер — будущий декабрист, друг Пушкина. С младших лет впитывал Глинка свободолобивый дух русской поэзии.

Но главную его страстью стала музыка. Глинка учился и у известных музыкантов. В его художественном развитии большую роль сыграли оперы Моцарта, Керубини, Россини. Уже в 20-е годы он пишет ряд камерных произведений, в том числе изумительные романсы на стихи Пушкина «Не искушай», «Бедный певец», «Грузинская песня». Позже он некоторое время живет за границей, встречается с выдающимися мастерами — Берлиозом, Мендельсоном, Беллини, Доницетти. Чарующие мелодии Италии, голоса итальянских певцов покоряют его отзывчивое сердце. И все же композитор чувствует, что никогда бы «не мог быть итальянцем». Тоска по отчизне, как он замечал, навела его на мысль писать по-русски.

Писать по-русски... Надо представить себе воочию грандиозность подобного замысла, гражданскую смелость подобной задачи, поставленной перед собой 30-летним музыкантом! Стократ умножалась трудность такой задачи тем, что не к феерии, не к сказке, не к мифу обращается этот дерзновенный гений, а к героическому образу Ивана Суса-

нина, навеянному знаменитой «Думой» Рылеева.

Не на пустом месте возник этот замысел. Ему предшествовал длительный и плодотворный период развития русской музыкальной культуры. Глинке предстояло обобщить опыт своих предшественников, смело шагнуть дальше, вперед, подняв народную песню — основу «Ивана Сусанина» — до уровня высокой музыкальной драмы.

Эти творческие намерения увенчались блестящим успехом. Вот уже почти полтора столетия живет на русской оперной сцене «Сусанин», потрясая мир величием народно-го подвига и неизъясимой мелодической красотой. Был ли этот успех осознан тогда, в дни исторической премьеры? Разночинной, демократической Россией — да. Что же касается России Николая Первого и Бенкендорфа, России реакционных министров и донощиков вроде продажного Булгарина, то они презрительно нарекли первенца русской оперной классики «кучерской музыкой». Ничуть не смущаясь этим, ибо «кучера дельнее господ», мастер, однако, с горечью пишет матери в 1841 году: «Искусство — эта данная мне небом отрада — гибнет... от убийственного ко всему прекрасному равнодушия». И равнодушие «высшего света» не было пассивным. Спешно предпринимались чрезвычайные меры для того, чтобы представить «Ивана Сусанина» как монархическую оперу. Композитору подсунили верноподданническое либретто, даже название по воле Николая было изменено на «Жизнь за царя». Но никому не дано было остановить мужественную поступь глинкинской музыки, как не дано было остановить музу Гоголя, Пушкина, Лермонтова...

Два творения Глинки стоят у истоков важнейших путей русской оперной, да и не только оперной, музыки. От «Ивана Сусанина» (1836) тянутся нити и к «Князю Игорю» Бородину, и к народным музыкальным драмам Мусоргского. Традиции «Руслана и Людмилы» (1842) — произведения, утвердившего победу добра над злом в пленительном мире народной сказочности, проросли в лучезарных партитурах Римского-Корсакова — «Снегурочке», «Садко», «Сказке о царе Салтане».

И так — в любом жанре. Возьмем ли мы симфонические или камерные инструментальные сочинения, обратим ли взор к жемчужинам русской вокальной лирики, — всюду почувствуем неизгладимую печать творческой личности Глинки, его замечательных традиций. Исключительное значение для русских музыкантов оркестровых вариаций на тему народной песни «Камаринская» было отмечено в свое время Чайковским.

«Музыку создает народ» — эти слова автора «Камаринской» известны всем. При этом всю жизнь Глинка со-

вершенствовал свое высочайшее мастерство, создавая выдающиеся творения, которыми, по его собственному признанию, никогда не бывал доволен. Только истинный мастер способен добиться того удивительного эффекта полной естественности музыкальной речи, которой отмечены и поныне популярнейшие романсы «Я помню чудное мгновенье», «Где наша роза», «Ночной зефир», вокальный цикл «Прощание с Петербургом». Замечу попутно, что, обладая выразительным голосом, Глинка много работал с лучшими певцами своего времени и в большой мере способствовал становлению русской вокальной школы.

Неисчислимы заслуги Глинки перед национальной и мировой культурой. Художник-реалист, помыслами и сердцем преданный жизненной правде в искусстве, он отразил подъем общественного сознания в России, вызванный Отечественной войной 1812 года и восстанием декабристов. Глубокий знаток фольклора, он высоко поднял значение этического, нравственного начала в народной жизни. Подлинно русский художник, чуждый какой-либо национальной ограниченности, он стал нашим первым истинно интернациональным композитором. Вот почему академик Б. В. Асафьев видит глинкинский творения в одном ряду с памятниками мировой культуры. Впечатления от «Руслана и Людмилы», утверждал он, «те же, как и от книг, никогда не исчерпываемых до дна, как от Гомера, от «Тысячи и одной ночи», от знаменитых поэм Руставели и Низами, от наших северных былии, сказов и сказок».

Глинка не смог реализовать все свои творческие замыслы. Вплоть до самой своей смерти в 1857 году он сталкивался с непониманием и враждебностью официальных кругов. Но в России зрели новые, молодые общественные силы. Их представители — Балакирев, Даргомыжский, Стасов, Серов — подхватили глинкинское знамя реализма и народности. Серову Глинка продиктовал свои автобиографические «Записки» — документ огромного исторического и психологического значения. Даргомыжский, затем Чайковский и композиторы «Могучей кучки», еще позже Глазунов, Лядов, Рахманинов, Стравинский, каждый по-своему, продолжали и развивали глинкинские традиции.

После Великого Октября музыка гениального художника стала достоянием народа. Она звучит по всей нашей стране, ее исполняют прославленные советские артисты и народные самодеятельные коллективы.

Много, очень много сделано у нас для распространения и изучения творчества Глинки. Советские музыканты по сохранившимся фрагментам реставрировали некоторые незавершенные его работы. Но

самое важное — это вечно живая связь его искусства со всеми братскими культурами нашей Родины.

О любви к Глинке, о благотворном влиянии его творческих заветов не раз говорил Сергей Прокофьев. И не слышались ли в трогательном вальсе Андрея Болконского и Наташи Ростовской из оперы «Война и мир» отзвуки глинкинского «Вальса-фантазии», столь любимого Прокофьевым? В далеком и суровом 1944 году, выступая на пленуме оргкомитета Союза советских композиторов, Дмитрий Шостакович сказал: «Советская музыка своими историческими корнями связана с великой русской музыкальной культурой прошлого. Мне не хочется повторять здесь... споры — какая музыкальная школа лучше: школа, идущая от Чайковского, или школа, возглавлявшаяся Римским-Корсаковым? беру на себя право заявить, что и та и другая школы обладают огромнейшими достоинствами, и до сих пор... питают и будут вечно питать нашу музыкальную культуру. Обе эти школы идут от родоначальника всей русской музыкальной культуры — Глинки. Мы вправе себя считать наследниками Глинки. Мы обязаны развивать его замечательные мысли, замечательное искусство». Вот подлинно исторический подход к шедеврам национальной классики!

Не боясь впасть в преувеличение, скажу, что воздействие глинкинских традиций испытывали все крупные советские мастера, все мыслящие музыканты, начиная с Н. Мясковского, Р. Глиэра, Ю. Шапорина, М. Гнесина, В. Шебалина, А. Хачатуряна. Достойна глубокого внимания и изучения новая жизнь этих традиций в наших восточных культурах. Достаточно сказать, что дыхание их ощущимо в творчестве классика азербайджанской музыки, автора оперы «Кер-оглы» Узеира Гаджибекова. А ныне мы видим подлинное цветение эпической ветви глинкинского симфонизма на плодотворной творческой ниве Казахстана, Туркмении, Таджикистана, Грузии, Узбекистана...

Удивляться ли после всего сказанного немеркнущему мировому значению Глинки? Когда-то он сам признал: «...Я первый русский композитор, который познакомил парижскую публику с своим именем и своими произведениями, написанными в России и для России». А в наши дни английский музыкант Алан Буш призывал: «Пусть все композиторы мира, каждый по-своему, последуют по пути, который был впервые проложен Глинкой». Между этими двумя высказываниями — без малого полтора века почтения, любви и учебы у русского мастера многих поколений выдающихся зарубежных художников.

...Раздвигается занавес оперного театра. И вновь мужественный Руслан, побеждая Черномора, спасает свою Людмилу. Вновь слышим мы бессмертное: «Времен от вечной тьмы, быть может, нет и мне спасенья!..»

Мы знаем: для музыки Глинки «вечная тьма» не настанет никогда. Искусство его — свет разума и доброты, вечный ясный день.

Тихон ХРЕННИКОВ.
Народный артист СССР,
Герой Социалистического
Труда.